

ЧАРЛЬЗ ХОРТОН КУЛИ

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС (ИЗБРАННЫЕ ГЛАВЫ)*

Аннотация: *Предлагается русский перевод нескольких глав из книги «Социальный процесс», третьей в знаменитой трилогии Ч.Х. Кули. В главах IX–X автор развивает социологическое видение успеха, рассматривая его индивидуальное и общественное, внутреннее и внешнее измерения, связь с социальным процессом в целом и социальным порядком, психологические предпосылки, связь с моралью и моральными идеалами, показывает связь возможностей несправедного успеха с отсутствием групповых стандартов и влиянием расходящихся стандартов, определяет значимость конформности и неконформности для достижения подлинного успеха. В главе XIV автор разбирает вопрос дисциплины, уделяя особое внимание возможности ее совмещения с демократией и личной свободой индивида. В главе XXXI автор рассматривает общественное мнение как органический процесс и часть целостного социального процесса, обсуждает его природу и особую роль меньшинств в его формировании.*

В главе XXXII обсуждается место рационального контроля в социальном процессе; рассматриваются связь социального контроля со стандартами, природа стандартов и два их вида (стандарты-образцы и минимальные стандарты), опасности механической количественной стандартизации и формализма, значение экспертных групп, университетов и критики для оценки, контроля, поддержания и развития высших функций, заключающих в себе творческую активность интеллекта. В главе XXXIII автор обсуждает своеобразие социальной науки, ее отличие от естественных наук, ее драматический характер и ограниченное место количественного метода в социологическом познании.

Abstract: *Here is presented the Russian translation of several chapters from C.H. Cooley's "Social Process", the third book in his famous trilogy. In Chapters IX–X the author advances a sociological view of success; he examines its personal and social, internal and external dimensions, relation to social process as a whole and to social order, its psychological prerequisites, interrelation with morality and*

* Перевод сделан по источнику: Cooley C.H. *Social Process*. – N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1918. – P. 88-111, 144-149, 378-405. Главы IX, X, XIV – пер. Н. Нама под ред. В.Г. Николаева. Главы XXXI-XXXIII – пер. В.Г. Николаева. Главы публикуются в авторской редакции переводчика.

moral ideals, shows possibilities of unrighteous success as connected with a lack of group standards or with an influence of divergent standards, and characterizes the significance of conformity and nonconformity for true success. In Chapter XIV the author examines the question of discipline, paying special attention to possibility of reconciling it with democracy and personal freedom. In Chapter XXXI the author considers public opinion as organic process and a part of social process as a whole, discussing its nature and a special role played by minorities in its formation. In Chapter XXXII the place of rational control in social process is discussed; the author touches upon such points as relation of social control to standards, the nature of standards and two kinds of them (standards-examples and minimal standards), the threats of mechanical quantitative standardization and formalism, the significance of expert groups, universities and critics for estimation, control, maintenance and advancement of higher functions involving creative role of intelligence. In Chapter XXXIII the author discusses the peculiarity of social science, its distinction from natural sciences, its dramatic character and a limited place of quantitative method in social-scientific knowledge.

Ключевые слова: *успех, социальный порядок, интеллект, способности, мораль, моральные идеалы, праведность, конформность/неконформность, правота, сила, дисциплина, свободная (демократическая) дисциплина, общественное мнение, меньшинства, социальный процесс, стандарты, рациональность, социальный контроль, формализм, социальная наука, драма, количественный метод.*

Keywords: *success, social order, intelligence, capacities, morality, moral ideals, righteousness, conformity/nonconformity, right, might, discipline, free (democratic) discipline, public opinion, minorities, social process, standards, rationality, social control, formalism, social science, drama, quantitative method.*

Глава IX. Теория успеха

Социологическое видение успеха. — Успех и социальный порядок. — Интеллект. — Напористые качества. — Симпатические качества. — Физические недостатки. — Проверка способностей.

Вопрос успеха — вопрос социологический, хотя бы потому, что он касается связи индивида с группой, личного процесса с общественным. Было бы довольно поучительно взглянуть на него с этой точки зрения.

Что такое успех? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, нам нужно соединить идею личной самореализации с верной концепцией ее связи с человеческой жизнью в целом. Наверное, мы не ошибемся, если скажем, что успех — это саморазвитие в социальном служении. Он должен, несомненно, быть первым из названного, а коль скоро наивысшие формы человеческой жизни обнаруживаются только в социальной функции, то и последним тоже.

Такой взгляд хорошо подтверждается обыденным опытом. Именно саморазвитие в социальном служении вернее всего дает человеку *чувство* успеха, наиболее полное осознание собственного существования и эффективности. Как бы ни распорядилась им судьба, каким бы ни был тощим

его кошелек, какое бы скромное он ни занимал положение, если он чувствует, что живет своей подлинной жизнью, полностью участвуя в общем движении человеческого духа, то он будет сознавать, что это успех. У мучеников, с ликованием восходивших на костер, было это чувство, и так же могут обладать им в настоящее время гибнущие в бою солдаты и тысячи других, чей труд, даже будучи менее опасным, не сулит никакой перспективы материального вознаграждения, — миссионеры, общественные агитаторы, исследователи и художники. Это чувство не ограничивается каким-то исключительным классом, а встречается во всем человечестве. Если человек усердно работает над задачей, самой по себе достойной и не идущей вразрез с его способностями, то у него обычно возникает ощущение успеха.

Успех такого рода подтверждается еще и той очевидностью, что обычно он обеспечивает максимальное влияние на других, на какое только человек способен. Люди влияют на нас не соразмерно их внешней силе, а соразмерно тому, что мы считаем их внутренней значимостью для жизни: их идеалам, их верности им, их любви, мужеству и надежде. И тот, кто искренне отдает себя высшему служению, на которое, как он чувствует, он способен, достигнет своей максимальной значимости.

Итак, успех — это вопрос эффективного участия в социальном процессе, и чтобы яснее понять, что такое успех, мы можем обратиться к тому, чего последний требует. В организации общества есть два основных аспекта: единство и дифференциация, аспект специализированных функций и аспект совокупной жизни, ради которой эти функции кооперируются. Жизнь индивида, дабы быть заодно с жизнью общества, должна участвовать в обоих этих аспектах: иметь специализированное развитие и в то же время объединяющую цельность. Он должен быть способен, благодаря таланту и обучению, хорошо выполнять какую-то работу, скажем, плотничать, заниматься сельским хозяйством или банковским делом, и должен также обладать широтой личности, которая обширно участвует в общей жизни и делает его хорошим гражданином. Социальный процесс подобен пьесе в том смысле, что ни один актер не может хорошо сыграть свою роль, если не проникнется духом целого: он должен быть настоящим членом, организация должна жить в каждой ее части. Нация будет бедняжкой, если гражданин не является патриотом, осознанно проникшимся ее духом и целями, и этот же принцип применим в разной степени и по-разному к сообществу, цеху, школе — т.е., к любому целому, в котором человек может участвовать.

Если взглянуть на человеческий процесс в целом, с его устремленностью вперед, его экспериментированием, его конфликтами и кооперациями, его потребностью в предвидении и единстве духа, задавшись при этом вопросом, какого рода индивид требуется для полноценного выполнения роли в этом процессе, то мы выйдем на тайну личного успеха. Требуются энергия и инициатива, так как они пружины процесса; уверенность в себе и упорство, так как они нужны для открытия и развития своей особой функции; симпатия и адаптивность, так как они позволяют человеку свя-

зать свою функцию с движением целого. И всюду необходим интеллект, дабы его ум мог отражать и предвосхищать этот процесс и, тем самым, эффективно в нем участвовать.

Что бы мы ни пытались делать, нам нужны здоровое воображение и рассудительность, а их отсутствие приводит почти во всех случаях к неэффективности и неудаче. Если, допустим, механик понимает деталь, которую он изготавливает, как целое, то он может выполнять свою роль разумно, адаптивно и с ощущением могущества; и в этом отношении он успешный человек. Он хорошо служит и развивается сам. Если, помимо этого, ему хватает разума понять работу какого-то участка цеха в целом и увидеть, в каком направлении она должна двигаться, если у него есть также понимание людей, основанное на воображении, позволяющее ему отбирать и направлять их, то он достоин стать мастером. Схожие качества более широкого диапазона создают компетентного управляющего. Так же и с социальными функциями вообще, крупными и мелкими. Хороший президент Соединенных Штатов — это прежде всего человек с конструктивным социальным воображением, способный понимать в общих чертах реальную ситуацию в стране, насущные проблемы, важные идеи, значимых людей, глубокие течения чувств. Без этого не может быть настоящего лидера народа. Так же и каждому из нас приходится иметь дело с постоянно меняющейся социальной ситуацией, и успеха добивается тот, кто сможет понять ее и вступить с ней в кооперацию.

Хороший административный ум — это место, в котором совершается организация мира. Это центр социального процесса, где делаются выборы и распределяются по своим функциям люди и вещи.

Я заметил, что главное различие между людьми, которое нелегко заметить без наблюдения за ними в течение некоторого времени, состоит в том, что одни из них обладают конструктивным умом, а другие — нет. Тот, о ком я сейчас думаю, обладает удивительно острым и независимым интеллектом и вовсе не лишен амбиций и самоутверждения. Хорошо знающие его люди ожидали, что он совершит что-то выдающееся. И единственная причина, по которой он этого не сделал, как я вижу, состоит в том, что его идеи не прошли через бессознательное вызревание и организацию, которые заставили бы их работать. В нем есть что-то неуловимо бесплодное. В то же время я знаю немало молодых людей, не особенно многообещающих, которые постепенно вырывались вперед только потому, что их концепции, хотя и не блестящие, казалось, обладали какой-то врожденной силой роста, подобной силе здорового кукурузного зерна. Вся жизнь — это непостижимый и по большей части бессознательный рост, и это же можно сказать о той ее части, которая принадлежит каждому из нас.

Среди более напористых качеств, способствующих успеху, я мог бы выделить смелость, инициативу, решительность, веру и собранность. Они нужны для затевания и осуществления опасных предприятий, из которых должна складываться каждая значительная жизнь.

Успех всегда будет во многом зависеть от той пытливей энергии, которая приводит человека к практическим знаниям и вводит в контакт с возможностями. Человек смелый и инициативный всегда узнает о жизни что-то, чего пассивный человек никогда не узнает. Он узнает, например, что делать что-то с большим размахом почти так же легко, как и в малом масштабе, что на крупные должности обычно меньше конкурентов, чем на скромные, что редко какие задачи трудны после того, как вы пробили к ним свой путь, что смелые и решительные правят миром без особых умственных дарований и что самые способные люди обычно опираются на качество, а не на количество прилагаемых усилий. Практическая мудрость такого рода приобретает главным образом смелыми экспериментами.

В общем, жизнь — это исследовательская экспедиция, прохождение через дикую местность, в котором каждому из нас, если он хочет чего-то добиться, нужны качества Колумба или Генри Стэнли. Он должен строить смелые и хитроумные планы, уверенно бросаться в их осуществление, упрямо держаться в минуты уныния, и должен при всем при том учиться на неудачах. Нам нужны все возможности, которые может предоставить нам общество, но они принесут нам мало пользы без нашей личной силы, ума и настойчивости.

В нашей англосаксонской традиции упрямство — это своего рода институт. Существует молчаливое понимание того, что правильное дело — предпринять что-то трудное и рискованное, а затем держаться за это, с поддержкой или без, до последнего издыхания. «Пока я жив, — говорил Стэнли, собираясь в одно из своих путешествий по Африке, — что-то будет делаться; а если я проживу достаточно долго, то будет сделано все».

Такие черты, как смелость и инициативность, появляются при некотором избытке энергии, но легко становятся привычными, как и все остальное. Если в одном или двух случаях вы преодолете инертность и опасения, приковывающие людей к их колее, и обнаружите, что Бог помогает тем, кто помогает себе сам, то вскоре вы научитесь продолжать действовать по тому же принципу. Смелость так же легка, как и робость, и даже гораздо легче, ведь армии легче атаковать, чем успешно отступить. Военственный настрой дает привычное преимущество.

Высший вид уверенности в себе — это то же самое, что и вера: вера в свою интуицию, в жизнь и общее течение дел, в Бога. Меня поражает наблюдение того факта, что успех во многом зависит от живой веры в то, что мир действительно движется, с нашей помощью или без нее, и что единственное, что от нас нужно, — это двигаться вместе с ним и по возможности помогать ему. Если есть такая вера, легко и радостно идти вперед вместе с процессией, в то время как робкие и унылые думают, что жизнь неподвижна, и что нет смысла пытаться сдвинуть ее с места.

В 1856 г. Линкольн, стремясь пробудить чувства против сохранения рабства, созвал массовый митинг в Спрингфилде, шт. Иллинойс, чтобы донести свои взгляды. Пришли только три человека: он сам, его партнер

Херндон и некто Джон Пейн. Когда стало очевидно, что больше никто не придет, Линкольн встал и после нескольких шуточных ремарок по поводу числа собравшихся продолжил: «Хотя все кажется мертвым, сама эпоха не мертва. Она живет так же верно, как наш Создатель. Несмотря на всю эту кажущуюся нехватку жизни, мир, тем не менее, движется. Преисполнитесь надежды, а теперь давайте прервемся и обратимся к народу» (см. прим. 1).

Жизнь постоянно развивается и в своем развитии поддерживает нас. Нам не нужно ее подстегивать, как мы иногда думаем. Главное для нас — держаться за наши высокие упования и стандарты и верить в то, что более широкая жизнь восполнит наши недостатки. Бог — строитель. Чтобы быть чем-то, мы должны строить вместе с ним: понимать план, если получится, но в любом случае строить.

Собранность — отчасти природный дар, но отчасти и приобретенная привычка, позволяющая человеку достигать полного напряжения сил без беспокойства и суеты и крепко спать ночью после того, как днем сделано все возможное, подобно герцогу Веллингтону, который заявлял: «Мне не нравится лежать без сна; в этом нет ничего хорошего, я взял за правило никогда не лежать без сна», — и который, если я верно помню, вздремнул, ожидая начала битвы при Ватерлоо. Командные посты в жизни занимают люди боеспособные, а это требует умения переносить тяготы, неудачи и неопределенность без чрезмерных волнений. Ришелье говорил, что если в человеке свинца не больше, чем ртути, то он бесполезен для государства.

Хотя собранность и воображение являются первейшими факторами успеха, между ними есть некоторый антагонизм. Последнее, как правило, делает человека чувствительным и настороженным, в то время как первая требует относиться ко всему легко и отбросить тревогу. Идеально было бы иметь чувствительное воображение, которое можно выключать и включать по желанию; но это вряд ли возможно, хотя дисциплина и привычка творят чудеса в закалке духа.

«Ведь дух, крепчайший как гранит, в любой мороз оборонит», — уверяет нас Эмерсон (см. прим. 2). Но на самом деле многие люди не могут научиться невозмутимо переносить грубость обычной конкуренции и нуждаются, по возможности, в отключении от нее. Так, видимо, обстояло дело с Дарвином, явно не отвечавшим стандарту деловитости Веллингтона, а также с немалой частью людей, занятых более тонкой творческой работой. Действительно, такая работа, если заниматься ею с чрезмерностью, чревата умственным и нервным напряжением и болезненной чувствительностью, а они погубили многих избранных.

Такие черты, как уверенность в себе и целеустремленность, становятся все нужнее по мере роста свободы и сложности общества, ведь этот рост означает расширение поля выбора и поиска, в пределах которого индивид должен найти свой путь. Цивилизация вовсе не ограничивает индивидуальность, как многие полагают, а работает совершенно иначе. К современ-

ному гражданину можно отнести многое из того, что Бернгарди говорит об индивидуальном солдате современной войны: «Почти все время, пока он действует, он предоставлен самому себе. Он сам должен оценивать расстояния, сам должен оценивать местность и использовать ее, выбирать свою цель и настраивать прицел; он должен знать, следует ли наступать, какой точки в позициях противника ему нужно достичь; с непоколебимой решимостью он сам должен стремиться туда попасть» (см. прим. 3).

Симпатические черты дополняют более напористые, позволяя человеку непринужденно перемещаться среди товарищей и заручаться их сотрудничеством. Современные условия все больше и больше требуют, чтобы каждый человек был человеком мира; они требуют, чтобы в постоянно расширяющемся социальном организме он чувствовал себя как дома.

Я предполагаю, что, если кто-то будет готовить молодого человека к успеху, то не сможет дать более дельного совета, чем этот: «Подходите к каждому человеку дружелюбно и радостно и старайтесь понять его точку зрения. Такой настрой заразителен, и если он у вас есть, то люди обычно будут встречать вас в том же духе. Не забывайте о собственных целях, но культивируйте веру в то, что другие склонны воздавать им должное». Мы слишком склонны тратить силы на тревожные и обидные фантазии, как правило, создающие то, что они изображают. Примечательно, что принцип христианского поведения, требующий представлять себя на месте другого человека, является также и принципом практического успеха.

Дух человека — самая практичная вещь в мире. Нельзя прикоснуться к нему или определить его; это сокровенная тайна. Но все же именно он создает карьеры, строит предприятия и приносит жалованья.

Застенчивые люди, добросовестно справляющиеся со своей работой, но лишённые социальной предприимчивости и гибкости, как мне кажется, часто испытывают некоторое чувство несправедливости из-за более быстрого продвижения по службе тех, кто обладает этими качествами, но не столь добросовестен и сведущ. Человек из явно фешенебельного района и не совсем уж ущербный в иных отношениях может почти сразу же получить выгодную работу и продвигаться по службе быстрее тех, кто в прочих отношениях полностью равен ему, но не имеет этой черты. И, в конце концов, в этом, возможно, и нет никакой несправедливости, так как отбор здесь основывается на реальном превосходстве в любой работе, требующей влияния на других людей. Наверное, лучшим утешением для застенчивого человека была бы мысль, что характер — главный фактор такого влияния, и имей он его и прояви чуть больше мужества в его утверждении, он нашел бы себя не в худшем положении, чем другие.

Я считаю, что более внешние и очевидные помехи для достижения успеха гораздо менее серьезны, чем обычно предполагается. Такие черты, как глухота, хромота, плохое зрение, уродство, заикание, чрезмерная стеснительность и тому подобное, часто вредны только в той мере, в какой им позволено стеснять или запугивать дух. Они редко мешают отважному че-

ловеку достичь того, что в прочих отношениях находится в пределах его способностей. Они вовсе не являются такими фатальными помехами для общения, какими могут казаться. Сам факт наличия у человека сердца, позволяющего ему встретиться лицом к лицу с миром на открытой дороге, невзирая на очевидные ограничения, может сделать его интересным. Так что, хотя ему, возможно, и придется время от времени терпеть отторжение со стороны людей вульгарных, тем больше будут склонны его уважать и проявлять к нему внимание по-настоящему значимые люди.

А следствием этого для его собственного характера вполне может быть придание ему большей определенности и сосредоточенности, т.е., той энергии и дисциплины, которых в противном случае ему бы недоставало. Тем явным счастливицам, у которых много способностей и для которых вроде бы открыты все пути, едва ли стоит завидовать; они редко хотя бы в чем-то далеко продвигаются. Если не этим, то чем еще можно объяснить случаи, в которых, например, полностью слепые люди делали карьеры в таких профессиях, как медицина, естественные науки или государственное управление? Я полагаю, что их успех обусловлен не сверхчеловеческими способностями, а смелостью действовать исходя из того, что главное в человеке — это дух, а не органы.

Часто самое вредное в связи с физическими недостатками, особенно у детей состоятельных родителей, — это бездумное сочувствие и мелочная опека, которые они склонны вызывать. Это может зайти так далеко, что лишит таких детей естественного контакта с реальностью и не позволит им вовремя узнать, с чем им предстоит жить и как это преодолевать.

Чтобы узнать о способностях человека, достаточно дать ему новую задачу и понаблюдать, как он с ней справляется. Если задача ему по силам, то он обычно начинает с того, что добывает всю доступную информацию, обдумывает ее и составляет план. Это должен быть смелый план, и в то же время не опрометчивый и не невыполнимый, хотя он и может казаться таковым; на самом деле этот план основан на верном видении условий, и особенно личностей, с которыми ему придется иметь дело. Безусловно, это будет его собственный план, и обычно способный человек предпочтет держать его при себе, потому что знает, что, возможно, ему придется его менять и что обсуждение его может породить препятствия.

При его выполнении он будет демонстрировать смесь решимости и адаптивности, участь на собственном опыте, меняя свой план в деталях, но в основном придерживаясь его даже тогда, когда не видит ясно свой путь; ведь он верит, что смелость и настойчивость приносят удачу. Он «играет в эту игру» до конца и, даже терпя неудачу, слишком сильно переживает экспериментальный характер жизни, чтобы это могло его охладить.

Глава X. Успех и мораль

Процветают ли грешники? — Общий ответ. — Мнимая успешность неправедности. — Отсутствие групповых стандартов. — Расходящиеся стан-

дарты. — Эффект неконформной правоты. — Сила против правоты. — Взаимная зависимость силы и правоты.

Похоже, умы людей всегда беспокоил вопрос, действительно ли стоит быть праведным. Из некоторых Псалмов и других фрагментов Ветхого Завета складывается впечатление, что евреи постоянно задавали себе и друг другу этот вопрос, а псалмопевцы и пророки старались утешить их, заверяя, что, хотя и может казаться, что грешники процветают, в конце концов им, несомненно, воздастся. «Покорись Господу и надейся на Него. Не ревнуй успевающему в пути своем, человеку лукавствующему» (см. прим. 4). «Видел я нечестивца грозного, расширявшегося, подобно укоренившемуся многоветвистому дереву; но он прошел, и вот нет его; ищу его и не нахожу» (см. прим. 5). «Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба» (см. прим. 6). Этот вопрос обсуждается также Платоном в «Государстве» и других сочинениях, а Шекспир в 66-м сонете упоминает «Праведность на службе у Порока» (см. прим. 7) среди вещей, заставляющих его взывать к спокойной смерти. Даже Проповедник говорит: «Не будь слишком строг... зачем тебе губить себя?» (см. прим. 8). Действительно ли честность — лучшая политика, и если да, то в каком именно смысле?

Я бы ответил, что никогда не бывает конфликта между реальной или внутренней праведностью и реальным или внутренним успехом; это во многом одно и то же. Но вполне может быть конфликт между любым из них и кажущимся, или конвенциональным успехом. Сознательный проступок всегда должен вредить успеху, измеряемому саморазвитием и социальным служением. Его воздействие на самого нарушителя подрывает самоуважение и силу характера. Человек раскалывает себя и распадается, поднимая восстание в собственном лагере, успех же требует единства и дисциплины. Человек, который плох в этом внутреннем смысле, — это, стало быть, слабый и растерянный человек. Как замечает Эмерсон, тот, кто «остаётся един со своей мыслью», имеет высокое мнение о себе, и неважно, что думает о нем мир.

Верно и то, что чувство правоты и цельности дает ему максимальное влияние на других, на какое только он способен, и, следовательно, максимум силы для служения обществу. Если мы слабы и лживы перед собственной совестью, то скрыть это невозможно, и это ведет к потере доверия и сотрудничества других. Для этого вовсе не нужно, чтобы нас уличили в каком-либо неблагоприятном поступке: наше лицо и поведение в достаточной мере обнажают, кто мы такие, и вызывают определенную моральную изоляцию или, по крайней мере, подрывают нашу значимость и силу. О характере судят по мелочам, о которых мы даже не подозреваем, и это правильно, потому что именно в них проявляются наши привычные склонности. Они отражают наш истинный дух и образ мышления, которые нельзя утаить, хотя мы и лучшие актеры в мире. Если в нас есть что-то неискреннее, что-то такое, что не несет свет, то окружающие почувствуют это, даже если не знают, в чем именно тут дело.

В той мере, в какой человек сознательно творит зло, он отрывает себя от того социального целого, в котором только и может жить и процветать. В этом смысле верно, что «лице Господне против делающих зло» (см. прим. 9).

Я предполагаю, что пока этот принцип берется на таком высоком уровне, мало кто будет отрицать его истинность. Люди обычно признают, что духовной значимости помогает моральная честность. Некоторые, однако, сомневаются, применимо ли это к успеху в более обыденном и, пожалуй, поверхностном смысле этого слова: к достижению богатства, положения и тому подобного.

Но даже здесь этот принцип во многом остается в силе. Если взять обычного человека, чьи моральные представления не сильно отличаются от представлений его товарищей, и поместить его в обычную среду, где вполне развито моральное чувство, соответствующее стандартам группы, то праведность здесь, в целом, и впрямь будет процветать. Отсутствие ее ставит человека в противоречие с самим собой и своей группой, как уже отмечалось. Неправедный человек плывет против течения, и, хотя какое-то время он может двигаться вперед, в конце концов оно наверняка его одолеет. Люди с опытом почти всегда утверждают — полагаю, искренне и правдиво, — что честность и нравственность способствуют успеху.

Скептик, между тем, скорее всего, скажет, что, хотя сам по себе этот принцип, возможно, правдоподобен и душеполезен для выпускников школы, общий опыт показывает, что в реальной жизни он не работает. И ему не составит труда указать на случаи, когда успех, видимо, достигается вопреки морали. Некоторые из них, вероятно, стоит обсудить. Думаю, их можно разделить на три класса: те, в которых успех лишь мнимый или временный; те, в которых нарушитель преуспевает благодаря незаурядным способностям, вопреки нарушениям; и те, которые связаны с отсутствием или расхождением групповых стандартов.

Всегда можно получить немедленное преимущество, пренебрегая правилами, которые ограничивают других людей; но, поступая так, человек бросает вызов глубинным силам жизни и приводит в действие мельницы богов, вымалывающие его падение. Он может жульничать на работе, не выполняя договор, или в колледже, списывая на экзамене, но делает это он в ущерб собственному характеру и положению. «Не так ли обстоит дело, если считаться с действительностью, — читаем мы в «Государстве» Платона, — несправедливые люди, при всей их ловкости, действуют как те участники двойного пробега, которые в один конец бегут хорошо, а на дальнейшее их не хватает; сперва они несутся во весь опор, а в заключение делаются посмешищем и, не добившись венка, уходят с поникшей головой и повесив нос. Между тем подлинные бегуны достигают цели, получают награды и увенчиваются венками» (см. прим. 10). Монтень вторит Платону: «В свое время я перевидал множество изворотливых, ловких, двуличных людей, и никто не сомневался, что они превосходят меня житейской мудростью, — и все же они погибли, тогда как я выжил: *Risi successu carere*

dolos» (см. прим. 11). Помню, один человек с деловым опытом говорил мне, что «сметливость» молодого человека — не та черта, которая сулит ему значительный успех, ведь он склонен слишком полагаться на нее и не может развить в себе более существенных качеств.

Людовик Святой, будучи образцом всех добродетелей своей эпохи, расширял свои владения, выдерживал агрессию и строил свое правление куда успешнее благодаря своему святому характеру. «Он был таким же хорошим королем, как и человеком», и его уникальное положение первого государя в Европе «было обусловлено не столько его властью и ресурсами, сколько тем превосходством, которое он приобрел благодаря своему личному характеру и добродетелям» (см. прим. 12).

Очевидно, мир полон несправедливости: люди часто получают и занимают места, на которые они не имеют морального права, если судить по тому, как они трудятся. Но бессознательные силы неизбежно приходят в действие, чтобы исправить ошибку, и, как правило, мнимый успех рано или поздно развенчивается как неудача. Это рана, в противовес которой моральный организм постепенно утверждает свою целительную силу.

Опять же, прегрешения зачастую ассоциируются с незаурядными способностями, являющимися реальной причиной успеха, который был бы, вероятно, еще значительнее и возвышеннее, будь человек праведным. Не стоит ожидать, что просто пассивной морали вроде «не обманывать, не сквернословить, не воровать» и т.п. будет достаточно для активного успеха. Последний требует положительных качеств, таких как энергия, предприимчивость и упорство, которые поистине являются моральными силами высшего порядка, однако могут быть сопряжены с нечестностью или распущенностью. В противовес Людовику Святому мы легко могли бы составить список великих людей в стиле Наполеона, чье личное поведение вовсе не было поучительным образцом. Поскольку жизнь — это процесс, и важное дело — ему помогать, то успехом должны пользоваться только эти активные черты характера.

Те случаи успешных прегрешений, когда речь идет об отсутствии групповых стандартов, можно понять, если мы примем во внимание сеть отношений, в которой живет человек. Представление о том, что успех и мораль идут рука об руку, предполагает довольно определенные и единообразные стандарты правильного, в окружении которых он живет и которые поддерживаются взаимодействием умов в крепко сплоченной группе. Это единственная гарантия того, что у индивида будут совесть или самоуважение, которые пострадают, если он нарушит эти стандарты, или что группа так или иначе его за это накажет.

Но положение дел может быть настолько анархичным, что никакой сплоченной группы, которая создавала бы стандарты для формирования совести индивида или для наказания его за проступки, нет. Так более или менее обстоит дело в любых условиях социального перехода и смуты, и это широко применимо к нашему времени. Если экономическая система де-

зинтегрирована быстрыми изменениями, то в ней будет отсутствовать ясное понимание правильного и неправильного, так же как и механизм принуждения к тому пониманию, которое есть; но тогда не надо удивляться тому, что разбойничьи методы в бизнесе будут оставаться безнаказанными и практиковаться людьми, во всех иных отношениях достойными. Кроме того, львиную долю всех видов безнравственности в наше время можно отнести на счет нестабильности, в которую погружены люди. Они становятся морально отсталыми, их не держит в узде дисциплина какой-либо интимной группы. Это относится не только к тем, чья экономическая жизнь прыгает с места на место, но и к тем, у кого есть устойчивая экономическая функция, но кто, подобно многим «людям, пребывающим в разъездах», ведет переменчивую, безответственную социальную жизнь.

Часто это же происходит и с гениальными людьми. Само то, что у них есть оригинальные порывы, которые они должны отстаивать в противовес безразличию или враждебности окружающего мира, вынуждает их к некоторому моральному обособлению, и, ожесточаясь против конформности, они теряют также здоровое чувство обычного правильного и неправильного. Поэтому они живут в своего рода анархии, которая, возможно, неотделима от их гениальности, но причиняет ущерб их характеру и более или менее вредит их работе.

Если угодно, этот же принцип можно проследить в международных отношениях и в политической философии Макиавелли. Вероломство и другие виды поведения, считавшиеся для индивидов аморальными, среди наций процветали, поскольку международное общественное мнение было слабым и беспомощным. К некоторым эпохам это относится в большей мере, чем к другим, и в особенности это было характерно для небольших, деспотических и переходных государств Италии в эпоху Возрождения. Макиавелли, желая, как мне кажется, прежде всего возвышения Государя, который, обретя высшую власть, должен был объединить и умиротворить страну, изложил для его наставления такие правила успеха — аморальные в применении к личным отношениям, — которые, как он полагал, должны были сработать посреди царившей моральной анархии. Нет между тем никаких веских оснований ни для возведения этого оппортунизма в общий принцип, ни для утверждения, что международные отношения находятся вне сферы морали. Они входят в эту сферу тем быстрее, чем больше отдельные нации развивают непрерывность и глубину жизни, все теснее связываясь при этом как группа. Тогда моральное чувство превращается в силу, которой ни одна нация не может без ущерба для себя пренебречь.

Во многих случаях того, что мы расцениваем как плохое поведение, человек принадлежит к группе, стандарты которой отличны от стандартов нашей группы, по которым мы о нем судим. Если его собственная группа с ним, то его совесть и самоуважение не пострадают, и он не подвергнется со стороны этой группы каким-либо обвинениям или моральной изоляции. Практически все исторические оценки подчинены этому принципу.

Я могу верить, что рабовладение было злом; но было бы очень наивно с моей стороны предполагать, что рабовладельцы страдали от нечистой совести или считали эту практику препятствием для своего успеха. Напротив, поскольку именно общепринятая мораль способствует общепринятому успеху, в рабовладельческом обществе пострадал бы аболиционист. Это попросту вопрос нравов, которые, как ясно показал Самнер, могут сделать что угодно правильным и что угодно неправильным, насколько речь идет о конкретной группе.

Конфликт групповых стандартов в более широком обществе также является обычным примером. Политический взяточник, беспринципный бизнесмен, грабитель или плохой мальчишка редко одиноки в своей делинквентности; обычно они связаны с группой, чьи дегенеративные стандарты более или менее поддерживают их и в которую они могут быть втянуты настолько, что вообще не чувствуют более общих стандартов. Если это так, то ожидать от них угрызений совести или сдерживания их со стороны группы никак нельзя. Эта задача должна лежать на обществе в целом: оно должно возлагать вину или наказание и, прежде всего, по возможности разрушать дегенеративную группу. Во многих таких случаях, если не в большинстве, разум индивида расколот: он осознает дегенеративные стандарты, а также стандарты большей группы, и они сражаются за его преданность.

Нет интереснее вопроса в связи с этим, чем вопрос о влиянии на успех более высокой или неконформной морали. Чего может ожидать человек, нарушая конвенции в стремлении сделать что-то лучше, чем окружающая его группа? Очевидно, его положение будет во многом схоже с ситуацией грешника: фактически, он обычно и будет грешником в глазах окружающих, не имеющих средств отличить возвышенное отступление от стандартов от низменного.

В целом, эта высшая праведность будет способствовать внутреннему успеху, который измеряется характером, самоуважением и влиянием, но можно ожидать, что какими-то общепринятыми вещами, вроде богатства и общественного положения, придется при этом пожертвовать. Обычно эти вещи подразумевают конформность группе, способной их предоставить.

Первосортные награды, если только человеку достанет решимости воплотить свою идею в жизнь, не поддаются оценке: достойный род гордости, высокое чувство реальности и значимости собственной жизни, уважение и признательность родственных душ, убежденность в том, что он служит человеку и Богу. Смелые и постоянные новаторы — как бы внешне ни обходилась с ними фортуна — несомненно, самые счастливые люди на свете, и не стоит тратить на них лишнее сочувствие из-за того, что их то тут, то там сжигают на костре.

Однако способность человека воплотить свою идею в жизнь зависит от сохранения им веры и уверенности в себе вопреки ближайшему окружению, которое изливает на него постоянный поток подрывных внушений, заставляющих его сомневаться в реальности его идей или в их практичес-

кой осуществимости. Опасность исходит не столько от нападков, зачастую вызывающих здоровое сопротивление, сколько от безразличия, которое может парализовать. От этого влияния можно защититься, создав более симпатическую среду с помощью друзей, книг, воображаемых товарищей — всего того, что может помочь лелеять правильные мысли. От масс человек может ожидать только немилости.

Беда многих из нас заключается в том, что, хотя мы и отвергаем привычное, у нас нет решимости и ясности ума, чтобы претворить в жизнь собственные идеалы и принять последствия. Мы стараемся служить двум господам. Сознывая, что, стремясь к высшей правоте, мы заслужили блага мира, мы не довольствуемся высшим видом успеха, уместным при таком устремлении, но смутно ощущаем надобность еще и внешних наград, что совершенно неразумно. Неспособность усидеть между двумя стульями — куда более распространенная причина неудачи, чем чрезмерная смелость. Для кого-то обретение богатства или популярности — это успех, и для него это правильная цель. Но человек более утонченный должен быть верен своему более утонченному идеалу. Для него «опуститься до» этих вещей значит погибнуть.

Сэр Томас Браун замечает, что «самое несправедливое стремление — желать снискать милость Всемогущего», требуя благ тела и фортуны, когда у нас уже есть блага разума, и говорит далее, что Бог часто поступает с нами, как те родители, которые больше всего материально поддерживают своих слабых или увечных детей, оставляя за сильными право позаботиться о себе самостоятельно (см. прим. 13). Посредственный успех вроде богатства, власти или положения, приходящих в качестве своевременной награды за усилия, — в конце концов, участь второсортных людей, тех, кто чуть лучше других справляется с работой, предлагаемой преобладающими институтами. Особенно мудрые, добрые или оригинальные выступают в какой-то мере против этих институтов и должны ожидать враждебности с их стороны. Высший успех всегда достигался и должен достигаться ценой принесения в жертву низшего. Кровь мучеников все еще остается семенем церкви.

Нужно быть готовыми к таким жертвам. Тем не менее в наши более терпимые времена в них может быть меньше необходимости, чем мы предчувствуем, и многие молодые люди, изначально готовые отречься от мира ради идеала, находили, что они были не настолько впереди своего времени, как думали. Иногда они получали больше почестей и жалованья, чем было бы для них благом, и завершали моральной расслабленностью и падением. Думаю, даже если бы кто-то нашептывал молодому человеку представления о сугубо мирском успехе и дело было бы в выборе между конформностью и смелым стремлением к идеалам, последнее обычно рекомендовалось бы как правильный курс, ибо обретения в характере и внутренней силе при следовании ему с лихвой возместили бы в большинстве случаев преимущества расхожего одобрения. Священники, раздражающие

церкви современными взглядами, политики, отказывающиеся умиловать коррумпированный элемент, бизнесмены, не идущие на обычные компромиссы с честностью, могут и не извлечь пользы из своего курса, хотя должны быть готовы к противоположному. То, что взывает к индивиду как высшая правота, редко взывает к нему одному, но, вероятно, незаметно действует и на других и нарастает для группы в целом, и последняя может откликнуться на его инициативу, сделав его своим лидером.

Вероятно, этот же принцип сможет прояснить и общий вопрос о соотношении Силы и Правоты в социальном процессе. Как я полагаю, под силой мы понимаем некую установленную и осязаемую форму власти, вроде военной силы, богатства, должности и т.п., а правота — это то, что одобряется совестью, возможно, вопреки всем этим вещам. На первый взгляд может показаться, будто то и другое должны совпадать, что благо должно быть также и сильным.

Но если мы согласимся, что жизнь — это прогресс, то легко заметим, что такого совпадения ждать не приходится. Если мы движемся вперед и вверх, формируя более высокие идеалы и борясь за их достижение, то наша совесть всегда будет не укладываться в реальные формы власти и дискредитировать их. Что-то всегда будет неправильным, по крайней мере для честолюбивого морального чувства. Таким образом, отношение между силой и правотой сходно отношению между зрелым человеком и ребенком: один силен в текущих силах и достижениях, другой подает надежду. Правота взывает к нашей совести примерно так же, как это делает ребенок, именно потому, что это не сила, и она нуждается в нашем покровительстве и защите, без которых не может жить и расти. С течением времени она обретает силу и постепенно становится признанной и институциональной; к этому времени она перестает быть правотой в самом жизненно важном смысле, и ее место занимает что-то другое. Таким образом, правота — это сила в становлении, а сила — это правота в старости. Если бы мы не чувствовали, что установленное неправильно, мы не могли бы его улучшить. Тенденция любой формы установленной власти — правящих классов, церковных вероучений, правовых формул, преподавательских догм, деловых обычаев — неизбежно расходится с нашим идеалом. Конфликт между силой и правотой постоянен, и это тот самый процесс, с помощью которого мы движемся вперед.

Такая формулировка, казалось бы, указывает на то, что правота предшествует силе и создает ее, что нечто приходит к могуществу, потому что взывает к совести. Но в равной мере верно и то, что сила создает правоту, поскольку господствующие условия помогают формировать нашу совесть. По мере того как развиваются наши моральные идеалы, и мы стремимся их воплотить, нам приходится идти на компромиссы, принимая в качестве правильных принципы, которые будут работать; а то, что будет работать, во многом зависит от существующей организации, т.е., от силы. Если идея оказывается совершенно безнадежной и неосуществимой, ее вскоре пере-

стают считать правильной. Вера в правильность христианских принципов поведения никогда бы не сохранилась, если бы они были столь неосуществимы на практике, как часто считается; напротив, они широко практикуются в простых отношениях и потому привлекательны для большинства из нас как указующие путь к разумному улучшению жизни в целом.

Итак, сила и правота — это стадии социального процесса, и первой свойственна более зрелая организация. Обе возникают из общей органики жизни и взаимодействуют друг с другом. То, что оказывается безнадежно слабо, вряд ли может занять свое место как правильное, но ничто не может остаться силой, если непримиримо противостоит совести. Ересь в религии сначала подвергается нападкам властей как неправота, но если в ходе конфликта выявляется ее внутренняя сила, основанная на ее пригодности для совладания с ментальной ситуацией, то она признается правильной. С другой стороны, система вроде милитаризма может казаться самым воплощением силы, и все ж таки она оказывается слабой, если существенно расходится с тенденцией человеческой жизни. За силой и правотой стоит нечто большее, чем что-то одно из них, нечто такое, за что обе они ответственны, а именно — органическое целое развертывающейся жизни.

Глава XIV. Дисциплина

Нехватка внешней дисциплины в Америке. — Нужда в свободной дисциплине. — Она должна основываться на цели. — Роль общества и государства. — Идеал демократической дисциплины.

То, что американской жизни, по крайней мере в мирное время, недостает внешней дисциплины, совершенно очевидно. То тут, то там не хватает той манеры, диктуемой чувством некоего высшего целого, которая придает личному поведению целенаправленность, сосредоточенность и достоинство. В нашем обществе полно людей всех возрастов и классов, у которых больше свободы, в смысле отсутствия ограничений, чем знаний, как ею воспользоваться. Освободившись от ограничений и не имея достойных идеалов того, что делать дальше, они тратят себя на грубое и неуместное поведение, не обязательно вредное, но отвратительное с точки зрения состояния духа, которое оно демонстрирует.

Я склонен полагать, что в этой кажущейся распушенности есть что-то обманчивое, что американец в плане реального самоконтроля стоит вровень с индивидом более упорядоченных обществ. Исходя из своих наблюдений я совершенно уверен, что немцы, например, и молодые, и старые, легче поддаются необузданным порывам, чем американцы; один немецкий ученый, живущий в Америке, даже определил самообладание как нашу самую отличительную черту (см. прим. 14). Чего у нас нет, так это внешних приличий и выстраивания индивидуального самоконтроля в определенные и видимые формы служения. Американская жизнь скорее небрежна, чем анархична.

Очевидно, нам нужно то же, что и всему миру: развитие свободного типа дисциплины, основанного на состязании в служении, а не на при-

нуждении и механизме. Оно, если его приобрести, дисциплинирует лучше, чем что-либо внешнее: оно захватывает индивида за счет его высших порывов и ведет его к отождествлению собственного Я с целым, которому он служит. Одна из великих задач, возложенных на нас, состоит в том, чтобы оправдать демократию, доказав, что в ней есть конструктивная и дисциплинарная энергия и что она никоим образом не является простым индивидуализмом и духовным беспорядком, как считают ее противники.

Следует заметить, что из двух обществ, одинаково страдающих — одно от недостатка внешней дисциплины, а другое от ее избытка, — первое находится в более обнадеживающем положении. При прочих равных условиях оно более адаптируемо, находясь на ранней и более пластичной стадии развития. Если у людей нет недостатка в конструктивной силе, то можно ожидать от них развития дисциплины в том объеме, который им необходим. С другой стороны, вполне сложившийся формализм — вещь зрелая и жесткая, и он вряд ли превратится в свободу путем постепенного процесса, он может преобразоваться только через революцию.

Свободная дисциплина основана на цели: у индивида должна быть цель, которая так много для него значит, что он будет контролировать и направлять свои своенравные импульсы в ее интересах. Всем нам памятливы примеры того, как она рождалась под влиянием патриотизма во времена национальных потрясений и пробуждений. Было бы легковесно, однако, считать, что ее можно обеспечить обязательной военной подготовкой во времена, когда люди не убеждены в неотвратимой военной опасности. Дисциплинарная ценность такой подготовки в Европе была обусловлена тем, что люди в целом в нее верили, считая ее средством патриотической защиты от нападения, которое их учили видеть, как постоянно на них надвигающееся. Должен сказать, что военная подготовка у нас может сыграть жизненно важную роль только в том случае, если наша будущая ситуация схожа. Если мир становится мирным, то мотивом дисциплины должна быть мирная служба, хотя в нее и может входить подготовка, пригодная для применения в военных целях.

Нас дисциплинируют деятельности, овладевающие нами, поскольку они реальны и функциональны. Много дисциплины возникает в школе, если преподавание и атмосфера втягивают учеников в работу. Есть она и в домашней жизни, поскольку последняя пробуждает схожий дух; и одной из основных причин частичного упадка дисциплины у нас служит тот факт, что семья во многом перестала выполнять активные и определенные функции, требующие сотрудничества всех ее членов и внушающие им дух верности и служения. Именно поэтому мы так часто видим лучшую дисциплину в трудолюбивых семьях фермеров и рабочих, а не у тех, чья жизнь отличается меньшим напряжением и усердием.

Не найти более эффективного средства дисциплины — там, где она уместна, — чем организованная игра, главным образом потому, что она добровольна и приносит радость, так что человек стремится вложиться в

нее целиком, и требует в то же время упорства и командной работы. Главным возражением против нее, как мы видим в Америке, является свойственная ей зачастую зрелищность, когда толпа с заместительным и бесплодным волнением наблюдает за выступлением немногих, которые одни только и соблюдают дисциплину, и последняя сама по себе ослабляется чрезмерной публичностью.

Женщин чаще всего всерьез дисциплинирует забота о домашнем хозяйстве и детях; мы видим, как легкомысленные девочки из зажиточных семей преобразуются под влиянием обязанностей, вытекающих из брака. Для молодых людей великим дисциплинарным средством становится приносящая заработок работа. Борьба за то, чтобы «преуспеть» в торговле, бизнесе или профессии, утвердить свое право на уважение окружающих, а также на собственный дом и семью, дает человеку цель, обычно нелегко достижимую, ради которой он должен обрести упорство и самоконтроль. В целом, эта экономическая дисциплина по-своему восхитительна и может быть значительно расширена и улучшена более регулярным и адекватным обучением в школе и после нее, а также развитием профессиональных групп. Вместе с тем дисциплина, основанная только на цели получения дохода и положения, имеет в лучшем случае довольно узкий характер и не обязательно приводит к сколько-нибудь убедительному чувству верности сообществу, государству или человечеству.

Проблема дисциплины и проблема идеалов во многом одна и та же. Если мы сможем пробудить в себе социальный и социально-религиозный дух и идеал, то в стремлении дать этому духу и идеалу выражение к нам придет дисциплина.

Что касается высшей дисциплины, то главным нашим недостатком здесь было отсутствие привычного и мобилизующего видения нашего государства. Было много невнятного вида патриотизма, но ему обычно не хватало ясного идеала, цели и формы. Укоренившаяся привычка видеть в правительстве второстепенную часть жизни, неизбежное зло и занятие для второсортных отвлекло духовные силы нашего народа от общественных каналов, не только подрывая нашу национальную жизнь и дискредитируя демократию, но и оставляя человека без чувства общественной функции, которого требует его характер. Религиозный пыл, с которым люди охотно отдаются своей стране, идентифицируя себя с ней, — самая благородная основа для дисциплины, и нам остается лишь найти иное средство его пробуждения, нежели грубый и устаревший способ угрозы войны. Наряду с ростом свободы и просвещения, нам нужно растущее видение нации как воплощения нашего идеала, как строителя великих предприятий, как друга и благодетеля других наций и как достойного участника международной борьбы за лидерство в промышленности, науке, искусстве и прочих видах высшего служе-

* Общественное мнение в этой книге я затрагиваю лишь вкратце, поскольку уже рассмотрел его довольно подробно в книге «Социальная организация».

ния. Наверное, это можно было бы сделать мотивом для всеобщего служения и обучения в школах, которые должны быть по духу настолько мирными, насколько позволяют времена, хотя и способными при необходимости принять воинственную направленность. То, что сделало при помощи милитаризма и бюрократии, но с большой долей успеха такое государство, как Германия, мы должны сделать по-своему, и сделать гораздо лучше.

Наша дисциплина должна быть такой же разнообразной, как и наше общество. Хорошо выверенный жизненный план должен охватить систему дисциплинарных групп, соответствующих главным аспектам людских устремлений, каждая из которых будет окутывать индивида атмосферой соперничества и особого рода идеалов. Демократия должна означать не единообразие, а максимальную степень дифференциации и повсеместное развитие особого духа в сообществах, профессиях, культурных группах и отдельных личностях.

Я думаю, что идеальная дисциплина для демократии — это та, которая безоговорочно доверяет демократическим принципам. Она должна начинаться в семье, делая жизнь как можно более тесной и полной сотрудничества, чтобы дети могли проникнуться групповым чувством и привыкнуть действовать в соотношении с групповыми целями и идеалами. Их обучение должно проходить через служение, самоуважение и пример, с как можно меньшим принуждением. В школах всех ступеней контроль через самоуправление и общественное мнение будет, вероятно, все больше приходить на смену механизмам и наказанию, и такой же план будет применен к исправительным учреждениям. В области игр здоровые духом спонтанные группы (клубы мальчиков и девочек, бойскауты и т.д.) могут распространиться, что приведет всю молодежь страны под влияние их восхитительной дисциплины. То же и в колледжах; мне кажется, мы сможем лучше добиться желаемого в плане здоровья, манер, самоконтроля и способности отвечать военным и иным требованиям, если будем работать главным образом через влияние, наглядный пример и добровольные формы организации. За исключением периодов острого кризиса, чувства студентов будут отторгать принуждение, делая его более или менее неэффективным.

То же в общественной жизни, в экономических отношениях и в любом виде организации. В целом, мы добьемся лучшей дисциплины, если будем доверять демократии больше, а не меньше, при условии, что доверие будет не пассивное, а будет включать энергичное использование воспитательных методов. Даже сейчас, если критерием дисциплины взять самоконтроль и способность ответственно функционировать во имя любой цели, которую может принять группа, я задаюсь вопросом, не показали ли мы себя столь же дисциплинированными, как и любой другой народ? Поскольку мы честно и основательно применяли демократическую идею, она нас не подвела.

Глава XXXI. Общественное мнение как процесс*

Общественное мнение как органический процесс, а не консенсус. — Принятие решения. — Значимость меньшинств.

Если мы хотим увидеть общественное мнение, как оно есть, его нужно рассматривать как органический процесс, а не просто как состояние согласия по какому-то злободневному вопросу. Это поистине сложный рост, всегда непрерывно продолжающий прошлое, никогда не становящийся простым и лишь отчасти объединенный время от времени ради определенного действия. Как и в других фазах интеллекта, в нем есть что-то от драмы: множество персонажей участвуют в многогранном единстве действия. Лидеры дня (не только в политике, но и в каждой области), классовые группы (капиталисты, социалисты, организованный труд, профессионалы, фермеры и т.п.), разные типы радикалов и реакционеров – все это члены сложного, развивающегося целого. И целым оно является по той же причине, что и пьеса, ведь как бы ни расходились и даже ни конфликтовали персонажи, они взаимно действуют друг на друга и создают совокупное движение, которому разум должен следовать посредством совокупного процесса. Для практических целей, как и для адекватного мышления, эта концепция лучше, чем идея общественного мнения как согласия. Она нацелена на то, чтобы увидеть реальную вещь – развивающуюся мысль людей – в ее генезисе и тенденциях, с прицелом на выявление ее вероятного воздействия.

Представление, будто у нас нет никакого общественного мнения, кроме как тогда и постольку, когда и поскольку люди согласны друг с другом, есть остаток той устаревшей социальной философии, которая считала индивидов в нормальном случае обособленными, а социальную жизнь – обусловленной тем, что они отчасти выходят из этого обособления и некоторыми особыми способами сходятся вместе. Именно эта привычка мышления, очевидно, и делает для большинства людей затруднительным понимание того, что группа, всерьез продумавшая и обсудившая какой-то вопрос, приходит к общественному мнению относительно него независимо от того, согласны ее члены друг с другом или нет. Иначе говоря, развился ментальный процесс по поводу соответствующего вопроса, и отсюда, как в пьесе, возникает единство действия, которое гарантирует, что, как бы мнения ни различались, они образуют части целого, каждая из которых помогает образовать все другие. Никто не откажет в единстве действия «Макбету» на том основании, что персонажи разнообразны и конфликтуют; если бы они этого не делали, то единство было бы слишком механическое, чтобы вызвать интерес; и так же было бы с мнением, если бы оно достигло того единообразия, которое порою предполагается.

Правда, процесс мнения вряд ли может существовать без некоторого сходства в мышлении и настрое (*like-mindedness*), достаточного для взаимного понимания и влияния, между членами группы. Если они делятся на несообщающиеся секции, то единство действия теряется. К этому может приводить расовое различие (по большей части, вероятно, побуждая людей считать себя более непохожими, чем они есть на самом деле), это же делали религиозный раскол, а также традиционная вражда, например, когда одна нация поработала другую, и даже социальная каста. Но коммуни-

цируемые различия — это жизнь мнения, подобно тому, как межродовое скрещивание — основа пород.

Главный аргумент в пользу того, что идею общественного мнения надо базировать на согласии, состоит в том, что это единственный метод принятия решения и, следовательно, действия, ради которого оно только и нужно; иначе говоря, мнение, с этой точки зрения, может функционировать только в качестве согласия.

Действительно, принятие решения — фаза в высшей степени важная, соответствующая выбору у индивида, и весь процесс внимания, обсуждения и демократической организации есть, в некотором смысле, подготовка к нему. Но в такой же мере верно и то, что это только частичный и зачастую поверхностный акт, заключающий в себе компромисс и приноровленный к конкретным обстоятельствам. Реальное понимание человеческого разума как в индивидуальном, так и в общественном его аспекте требует рассмотрения его в целостном процессе, в котором большинства и решения являются всего лишь преходящими фазами. Выбор сегодняшнего дня важен; но зачаточные условия, взращивающие грядущие выборы, по меньшей мере, так же важны. Нам будет интересно знать, кто выиграет очередные выборы, демократы или республиканцы; но куда интереснее для нас было бы узнать, какая неясная группа нонконформистов выкармливает идею, которая возобладает через двадцать лет.

Органический взгляд является, по-видимому, единственным, который воздает должное значимости меньшинств. Если вы думаете о согласии как о чем-то существенном, то они кажутся всего лишь остатками, неподатливыми и непримиримыми фракциями, не имеющими большого значения. Но если вы зорки к органическому развитию, то очевидно, что меньшинства, даже очень небольшие, могут быть самыми чреватými факторами в ситуации. Всякий прогресс, всякое заметное изменение, каким бы оно ни было, начинается с немногих, и, соответственно, именно в небольших и зарождающихся партиях мы всегда можем искать тенденции, имеющие шанс возобладать в будущем. Оригинальность, вера и решимость сделать что-то лучше всегда пребывают в меньшинствах, в то время как всякое большинство образуется по большей части из инертных и зависимых элементов.

Мы имеем факт высочайшей значимости, когда немногие люди или даже отдельный индивид настолько в чем-то убеждены, что готовы стоять за это посреди враждебно настроенного большинства; сама их обособленность гарантирует, что у них имеются более убедительные основания для действия, чем у обычного нерешительного и покладистого гражданина. Так, Либкнехт, в одиночку в германском Рейхстаге противостоявший войне и осудивший ее, значил, пожалуй, больше, чем вся более послушная масса Социалистической партии. Все великие движения имеют в своей ранней истории героев и часто мучеников, ставших тем семенем, из которого вырос их будущий успех.

Нет ничего демократичнее разумной и убежденной неконформности, ведь она означает, что индивид отдает свою свободу и отвагу на службу целому. Подчинение большинству, как и любому другому авторитету, делает полнокровную демократию невозможной.

Глава XXXII. Рациональный контроль через стандарты

Что такое рациональный контроль? — Стандарты как критерии функции. — Минимальные стандарты. — Механическая тенденция стандартизации. — Высшие функции, не измеряемые количественно. — Суждение экспертных групп. — Необходимость групп, задающих стандарты. — Университеты как создатели стандартов. — Критик.

Идеальной целью интеллекта является, судя по всему, рациональный контроль над человеческой жизнью. Но что именно мы под этим понимаем? Разумеется, не то, что бессознательный процесс должен быть всюду заменен сознательным; здравый смысл говорит нам, что это практически невозможно и нецелесообразно. Пожалуй, справедливо было бы утверждать, что под рациональным контролем мы имеем в виду такое ведение дел, при котором их ход в целом отзывчив к интеллекту, хотя и не всегда им направляется.

Повседневная жизнь человека держится по большей части на инстинкте и привычке. Его пищеварение и другие физиологические функции, его рутинная работа и досуг протекают без особой помощи со стороны его мышления. Рациональный контроль состоит главным образом в некоторой бдительности в отношении этих процессов, которая пробуждает внимание, когда с ними что-то не так, и применяет, если сможет, разумное средство исправления положения. Это с такой же вероятностью проявляет себя в рассудительном бездействии, как и во вмешательстве. Так же и в случае заводского управляющего: секрет эффективного контроля для него состоит в том, чтобы позволить каждой машине и каждому подчиненному делать свою работу, не обращая по большей части внимания на детали, но удерживая при этом в уме идеал работы целого, позволяющий видеть и корректировать все, что идет не так. Примерно так же обстоит дело и с социальной организацией в целом. Ее работа складывается преимущественно из идей, чувств, действий, не имеющих осознанной отсылки к системе в целом и являющихся в этом плане чисто механическими; рациональный контроль же требует разумности и идеализма, понимающего, как это целое должно работать, и применяющего в должное время и в должном месте необходимый авторитет.

Есть некая самонадеянность, зовущая дать бессознательным процессам идти своим путем. Они являются результатом неустойчивого развития, по большей части запутанного и слепого, но выливающегося во что-то такое, что некоторым образом работает; и это не жалкое достижение. Один из лучших плодов нашего изучения истории — это осознание того, как мало мы знаем и насколько то, что кажется нам бессмысленным и вред-

ным, может служить какой-то полезной цели. Консерватизм, находимый нами, скажем, у Берка, всегда заслуживает внимания; его поздние работы, как все мы знаем, — это в значительной мере попытка заставить нас осознать пределы сознания, дабы мы могли сохранить те блага, которыми обязаны бессознательному росту. Традиционные организмы общества — язык, народные обычаи, обычное право и т.п. — показывают нам в целом такую приспособляемость к условиям, такую действенность, с которой не может сравниться одно только рефлексивное сознание. Последнее может дать нам разве что волапюк, из первых же мы получаем английский язык Шекспира.

Тем не менее есть очевидная потребность в компетентном интеллекте, который присматривал бы за бессознательными процессами и дополнял их. Джордж Мередит сравнивает нерегулярный и неопределенный прогресс мира с движением пьяницы, идущего пошатываясь к своему дому: «Все ж покорялся путь, хоть ноги и слабы» [*«Still that way bent albeit his legs are slack»*] (см. прим. 15).

Несомненно, он доберется как-нибудь туда, куда надо, но манера движения часто такая, что рациональное существо испытывает к ней отвращение. Хотя в идее непреднамеренной благотворности экономической конкуренции есть немало верного, несомненно и то, что при слишком большом влиянии этой идеи растрачиваются естественные ресурсы, чахнут и лишаются перспектив дети, эксплуатируются женщины и процветают всякого рода нечестивцы.

Если обратиться к тому, как можно достичь рационального контроля, то мы сразу выходим на вопрос о стандартах службы. Если бы мы могли в связи с каждой функцией изобрести и применить какой-нибудь надежный критерий выполнения, так чтобы все, кого это касается, могли знать, какова именно хорошая служба, и как служба одного агента сопоставима со службой другого, то вопрос контроля стал бы простым.

Это не только повлияло бы напрямую на повышение всякого рода эффективности — через отбор лучших людей и методов и поддержание у них высокого уровня работы, — но и принесло бы безмерно благотворный эффект в виде распространения по всему сообществу порядка, удовлетворенности, ясности цели и доброй воли взамен путаницы, беспокойства и враждебности, которые сегодня столь заметно преобладают. Любые стандарты в случае их общего принятия производят такой же эффект, как и использование денег в экономических обменах: они придают определенность отношениям и тем самым способствуют сотрудничеству и смягчают споры. Неприязнь, будь то к другим людям или к жизни вообще, базируется, видимо, главным образом на обидах и недоумениях, вытекающих из отсутствия прочно закрепленных оценок. Если бы все мы знали, каково наше место в жизни и на что мы можем справедливо притязать по сравнению с другими, то царящая ныне путаница улеглась бы.

Применительно к человеческому поведению можно различить два вида стандартов: более высокие, или служащие образцами для подражания, ко-

торые побуждают нас к достижению некоторого идеала или приближению к нему, и минимальные стандарты, или пределы терпимого, соблюдение которых более или менее принудительно. Первые взывают к более способным и целеустремленным, вторые навязываются отстающим. Одни определяют тип в основании, другие — на вершине.

Почти в каждом виде деятельности вредно терпеть тех, кто опускается ниже некоторого уровня достижений: они не только подают дурной пример и понижают уровень служения, но и подрывают кооперацию и *esprit de corps*. Даже в состязательных играх, таких как бег на скорость, прыжки, гольф и т.п., игроков обычно разбивают на группы так, чтобы участники каждой группы были достаточно однородными и побуждали друг друга выложиться по полной; и каждый знает, насколько разлагающим оказывается влияние игрока низшего класса. В выведении пород животных мы находим давнюю практику устранения особей, которым недостает некоторых «ценных черт», и социальная наука евгеника нацелена схожим образом на задание стандарта размножения для человеческого рода. Все наше уголовное законодательство является системой минимальных требований в отношении поведения, и во многом такой же характер имеют конвенции, или *mores*, приводимые в действие общественным мнением.

Это идея старая и известная, и сегодняшний интерес к ней проистекает главным образом из стремления все жестче и жестче применять ее в контроле над экономической конкуренцией. Она явлена здесь в самых разнообразных формах, но общая ее цель — точнее классифицировать виды экономической борьбы, определить, кто является законным участником каждой из них, а кто не является, и следить за тем, чтобы все они велись по соответствующим правилам для защиты слабых и благосостояния общности.

Все знающие ученые понимают, что есть настоятельная потребность в рациональной программе для защиты от краха и деградации тех, кто по тем или иным причинам не в состоянии защитить себя сам. Если их слабость внутренне им присуща, то их нужно выводить из общей борьбы и помещать в отдельный класс; если она случайна, то им нужна разумная поддержка, пока они восстанавливают свои силы.

Слабой стороной идеи стандартизации, применительно к обществу, является ее тренд в сторону числового и механического. Внешний, зримый критерий, почти всегда в этой сфере поверхностный, легок в применении и, в силу этого, притягателен для всех, кто стремится к точным результатам без применения высших способностей ума. Это, вдобавок к престижу, который снискали количественные методы благодаря их ценности для физической науки, привело к формализму, который внедряет их там, где им не место, и внушает уверенность в результатах, часто обратно пропорциональную их ценности.

Статистическому типу ума точность зачастую сама по себе кажется гарантией истины, и стало обычным делом видеть тщательные расчеты, ос-

нованные на предпосылках, которые не выдержат никакой критики. Авторы таких построений показательно избегают любого рода мышления кроме математического. Так отчасти обстояло дело с Фрэнсисом Гальтоном, человеком по-настоящему выдающимся. Он провел статистическое изучение гениальных людей, в котором количественная сторона логически держится на постулате, что практически все гениальные люди становятся знаменитыми (см. прим. 16). Это воззрение он не подвергает адекватной проверке; уклон его ума не позволял ему это сделать. Ему нужен был стандартный критерий гения, чтобы открыть путь для статистического рассмотрения, и он легко убедил себя в том, что известность как раз и является таким критерием. Его постулат меж тем очевидно ложен, и, следовательно, ценность его расчетов сомнительна.

Многие воспринимают числовую систему и количественную точность как «науку», далее ни о чем не спрашивая. Я видел, как университетская кафедра без вопросов принимает резолюцию, рекомендующую как научное распределение экзаменационных оценок согласно статистической кривой случайных отклонений от среднего, и, наверно, мало кто, если вообще хоть кто-то, из присутствующих задавался вопросом о том, вероятно ли, в самом обычном смысле, чтобы успеваемость студентов подчинялась какому-либо подобному закону.

Числовые критерии, несомненно, могут использоваться для сравнения результатов процессов, которые сами по себе не механичны и, возможно, непостижимы. Так, из двух коммивояжеров, тратящих одинаковое время на схожих маршрутах для продажи одних и тех же товаров по одним и тем же ценам, один будет продавать в два раза больше товара, чем другой, и часто невозможно сказать, почему. Это делает «личность», т.е., комплекс влияний, выходящих за пределы точного анализа. Но при этом вы можете измерить результаты ее воздействия и быть вполне уверенными в том, что они будут повторяться. Так же обстоит дело и с литераторами. Когда новый писатель отправляет рукопись романа издателю, последний может лишь очень смутно догадываться, сколько экземпляров удастся продать; но, когда опубликовано уже несколько романов, и они показали свою способность заинтересовать читателей, возможно разумно надежное предсказание. Статистический метод не требует, чтобы тестируемый нами процесс был понятен, но только того, чтобы он был единообразен. В этом случае его будущее протекание может быть предсказано исходя из его прошлого. Есть обширная и законная область для проявлений изобретательности в подобной стандартизации человеческой функции.

Между тем возникает формализм, когда мы принимаем механическое видение самой функции, или искомого результата, чтобы сделать его легче поддающимся измерению. Это возражение можно привести, например, против рейтингования коммивояжеров и вознаграждения их в зависимости от количества продаж. На практике это не выглядит хорошей идеей, ведь в их поведении есть много важных сторон, не покрываемых такими

расчетами. Коммерсант говорит: «Если у вас есть пятьсот коммивояжеров, работающих на чисто комиссионной основе, то у вас есть пятьсот индивидов, каждый из которых, в принципе, работает на себя... Это значит, что у них нет никакого группового духа, никакого чувства единства в организации, никакого духа сотрудничества. Получается из рук вон плохо». Он предлагает измененный критерий, тоже количественный, который неадекватен в теории, но может работать на практике. Полная функция личности никогда не может быть измерена. Таковую же ошибку мы находим в попытках измерить ценность профессора по числу студентов, выбирающих его курс, или по числу часов, которые он проводит в аудитории.

Видимо, общей истиной является то, что чем выше социальная или ментальная функция, тем меньше она поддается числовому измерению; ведь высшие функции — это акты творческой организации и могут быть оценены только с помощью суждения того же порядка. Работу юриста, учителя, священника, ученого, даже искусного ремесленника можно измерить только экспертным мнением. Наши тесты умственных способностей у детей должны быть механическими лишь постольку, поскольку относятся к механическим процессам, таким как память на слова или счет. Когда такой тест переходит к высшим способностям, таким как понимание сложных идей или чувств вроде чести, он, чтобы иметь хотя бы какую-то ценность, должен применяться не механически, а проводиться человеком с воображением, способным понять, что ребенок имеет в виду своими ответами.

Я мало доверяю амбициозным проектам некоторых психологов, лежащим в русле априорного измерения способности ума к тем или иным занятиям. Я не сомневаюсь, что с помощью лабораторных методов можно получить много полезных ухищрений; но если функция является по существу социальной, то тест тоже должен быть социальным: наука должна держаться как можно ближе к природе. В экзаменах при поступлении на гражданскую службу такие квалификации, как скорость машинописи, могут определяться с помощью механической проверки, но в отношении любого рода социальных способностей, таких как пригодность для сбора трудовой статистики или ведения переписки, упор с необходимостью делается на успех в актуальной работе схожего характера.

Короче говоря, любая чисто механическая проверка высших человеческих способностей и достижений является иллюзией и неизбежно останется таковой. Единственный реальный критерий — симпатическое и, так сказать, участвующее суждение ума, подготовленного дарованиями и обучением к пониманию этих способностей и участию в их осуществлении. Гете утверждал, что единственным компетентным критиком литературного произведения будет человек, который может создать это произведение сам, и этот принцип имеет широкую применимость.

Есть ли тогда какой-нибудь способ проверки высших функций, заключающих в себе лидерство и творческую организацию, для поддержания высокого уровня исполнения? Нет способа, который был бы точным или

окончательным, особенно когда стоит вопрос об оригинальности — ибо суть оригинальности ускользает от принятых проверок, — но высшие функции, имеющие более или менее устоявшийся характер, можно держать на высоте с помощью суждений экспертной группы. Хорошие примеры дают нам разные отрасли естественной науки, скажем, астрономия, геология или физиология; ведь в каждой есть группа людей с высокими и определенными идеалами в отношении того, что является стандартным достижением в их специальности, и с готовностью применять их в превознесении достойных и избавлении от недостойных. Во многом так же обстоит дело во всех так называемых ученых профессиях. Этот принцип применяется также, хотя и с несколько меньшей строгостью, в литературе, скульптуре, живописи, архитектуре и музыке; достижения в каждой из этих областей оцениваются более или менее решающим образом компетентной специальной группой.

Такие группы совершенно определенно могут действовать. Они могут создавать ассоциации и назначать судей — например, чтобы принимать или отвергать картины на выставку или делать выбор между конкурирующими архитектурными проектами какого-нибудь общественного здания. Судьи, если они компетентны, принимают решения не полностью в соответствии со старыми образцами и традициями. Это люди, закаленные активным участием в художественных начинаниях своего времени, и, пытаясь что-то творчески оценить, они стремятся понять, какого нового достижения искал художник и в какой мере он в этом преуспел.

В таких сферах, как патриотизм, филантропия и религия, стандарты воплощаются в жизнях и трудах людей, которых благодарное воображение родственной по духу группы признает носителями идеала. Для христианской традиции идеалы группы воплощают в лелеемых образцах «славная когорта апостолов, благородное воинство мучеников» (см. прим. 17) и их преемники.

С этой стороны общество очень нуждается в более разнообразной и тесно сплоченной групповой организации. Современное расширение связей частично разрушило старые группы, основанные главным образом на локальности, семье и классе, и принесло довольно аморфное и лишенное направленности положение дел, лекарство от которого следует, очевидно, искать в развитии групп нового типа. Только тесная и устойчивая кооперация может дисциплинировать индивида и обеспечить стандарты для каждого вида функции.

Особенно необходимы энергичные и самобытные группы, отдающие себя достижениям, не приносящим никакого коммерческого вознаграждения. Нам нужны люди, которые будут страстно стремиться делать утонченную и еще более утонченную работу, жаждущие совершенства, не заботящиеся о социальном признании, вдохновляющиеся близкими по духу образцами и оценками и создающие более высокие стандарты для тех, кто идет за ними.

Воздействие коммерциализма на подавление высших достижений довольно простое: он попросту создает галдеж, в котором трудно расслышать что-то другое. Он все время атакует нас из газет и из голосов, взглядов и действий наших сограждан. Если у нас нет собственного импульса, то он нас подхватывает. Вряд ли возможно, чтобы кто-то проложил отдельную дорогу к успеху в противовес ему: нам нужны группы и среды, организованные для достижения других целей, в которых мы могли бы найти прибежище.

Часто замечают, что функцией университетов является установление стандартов современной демократии. Я усматриваю здесь идею, что раз уж мы отбросили лидерство наследственного класса в задании стандартов, то в поисках его замены нужно обратить взор на группы, подготовленные и воодушевленные образовательными институтами. Это означает благородное видение таких институтов, и чем больше мы об этом думаем, тем резоннее это выглядит. Это означало бы, что университеты должны отбирать и готовить компетентных людей во все возрастающем числе интеллектуальных функций, включая литературу и изящные искусства, воодушевляя их при этом идеалами, которые они как члены специальных групп отстаивали бы и осуществляли на благо общества. Кроме того, это должно означать для всех студентов такую нравственную культуру и такой дух преданности своей стране и человечеству, которые подходили бы для задания нации стандартов в этих возвышенных аспектах. Я не думаю, что такое верховное лидерство или задание стандартов могут исходить из какого-то одного источника, но университеты как уполномоченные органы высокой культуры могут здесь рассчитывать на большую роль. Действительные их достижения в этом деле заслуживают лишь скромной похвалы.

Когда я сгребаю и сжигаю листья, как мне приходится делать осенью и весной, я часто поджигаю одну маленькую кучку, а когда огонь разгорится, подцепляю граблями пару горящих листьев и переносу к следующей куче, которая подхватывает пламя от них. Мне кажется, что именно это и должен делать университет для высшей жизни нашего народа. Он должен пылать, и каждый студент, покидающий его стены, должен быть горящим листком, способным воспламенить сообщество, в которое он приходит.

Выработка более высокого контроля зависит во многом от критика, функция которого состоит как минимум в том, чтобы воплотить интеллект, вобрать в свой разум целиком организм и процесс и оценить, как работает каждая из частей. В литературе и искусстве компетентный критик — скажем, Гете или Сент-Бев — стремится оценить труд каждого человека как функцию всеобщего духа и указать его место в целом. Этот же принцип применим и к более специальным группам. В армии критик — это непревзойденный офицер, который в мирное время тщательно наблюдает за проверками и развитием и привносит в каждую деталь экспертную оценку ее значимости с точки зрения успеха в войне, являющегося для него высшим идеалом. В промышленности, трактуемой как производство, он экс-

перт по эффективности. Рассматривая же ее с точки зрения человеческого благосостояния, он социальный эксперт, и неважно, занимает ли он при этом официальное положение.

Все устоявшиеся и интересные направления человеческих достижений естественно порождают критиков, поскольку люди созерцательного склада, знакомые с традицией, находят удовольствие в обозрении области в целом и оценке различных вкладов в нее. Дело это связано с организацией, и там, где она отсутствует, критика обычно слаба. По большей части по этой причине американской культуре печально ее недостает.

Мы настоятельно нуждаемся в критике нашей социальной системы, достаточно компетентной для авторитетной оценки человеческой ценности разных деятельностей. Для этого она должна быть сведуща в социальной науке и истории, знакома с практическими условиями, смела, рассудительна и богато одарена от природы прозорливостью и верой. Этого мы пока еще не достигли; в наших суждениях, так же как и в самих условиях, остается много путаницы. Вместе с тем вполне очевидно, что с нарастанием исследований и усилий растет и социальный критицизм. Хотя социальные работники люди ревностные и нередко довольно пристрастные, все же их серьезная борьба с реальными условиями, предваряемая обычно академической подготовкой, уже позволила им пролить свет на много неясных вопросов и поставить на правильные рельсы общественное чувство. И все больше бывших студентов, посвящающих себя социальной психологии, философии и статистике, тоже, несомненно, делают свое дело. Мы видим упадок того партикуляристского духа, который растрачивал себя на защиту конфликтующих панaceй, и рост более широкого духа, который выносит суждение обо всех схемах, соотнося их с общим органическим идеалом.

Глава XXXIII. Социальная наука

Драматический характер наук о жизни. — Особый характер социологии. — Количественная точность не ее идеал. — Качества социолога. — Практическая ценность социологии.

Мы увидели, что социальный интеллект — это, по сути, схватывание в воображении происходящего с нами процесса, позволяющее нам перенести его в будущее и предвосхищать то, как он будет работать. Это драматическое зрение, благодаря которому мы видим, как действующие ныне силы должны взаимно действовать друг на друга и порождать новую ситуацию. Как нам применить эту идею к социальной науке? Следует ли нам сказать, что и она тоже драматична?

В таком взгляде не было бы ничего абсурдного. Обо всей науке можно сказать, что она работает с помощью драматического метода, когда берет результаты мельчайшего наблюдения и пытается выстроить из них новые целостности знания. Это, как мы знаем, требует творческого воображения; интеллект должен действовать в симпатии с природой и предвидеть ее ход.

Работу с эволюцией жизни, самым известным в которой был Дарвин, можно по праву описать как попытку драматизировать то, что человечество узнало о растениях и животных. Он взял мучительно добытые детали и показал, как они вносят свой вклад в жизненный процесс, протекание которого можно проследить в прошлом и, возможно, предвосхитить в отношении будущего. А жизнь и впрямь удивительно гомогенна, и фазы, которые он обнаружил в этом процессе, — дивергенция, борьба, адаптация — во многом те же самые, что и всегда опознававшиеся в этой драме.

Дарвин считал изучение ископаемых останков средством достижения лучшего понимания жизни на земле, способом *увидеть, что происходит*, и примерно так же точное наблюдение индивидов и семей в социологии есть подготовка к социальному синтезу, цель которого также состоит в том, чтобы увидеть, что происходит.

Расхожее представление о науке как о *всего лишь* точном изучении деталей совершенно безосновательно и особенно бесплодно в социальной области. Если мы хотим прийти к принципам или достичь хотя бы какого-то успеха в предсказании, нужно постоянно удерживать в работе воображение. И даже в детальных исследованиях мы должны в большей или меньшей мере драматизировать, чтобы сделать факты понятными. Исследователь детской и подростковой делинквентности, не вооруженный, наряду с графиками, прозорливостью, не сообщит нам о ней ничего особенно ценного.

Есть, однако, заметные различия между биологией и социологией, если рассматривать их как исследования процесса. Из них я отмечу в особенности два. Первое состоит в том, что в биологии существенные изменения в типах происходят преимущественно медленно, и их нелегко воспринять. По большей части нам приходится иметь дело с движущимся равновесием видов и способов жизни, повторяющимся поколение за поколением. Потребовался Дарвин, чтобы показать путем сравнения далеко отстоящих друг от друга периодов, что природа реально эволюционирует, драматична, креативна.

В социальной жизни, в свою очередь, изменение очевидно и актуально; и основная практическая цель нашей науки — понять его и поставить его под контроль. Драматический элемент, который в биологии открывается только титаническому воображению, становится в опыте чем-то очень знакомым и близким. Всякое реальное исследование общества должно быть тем, с чего начинают и чем заканчивают, и быть почти все время изучением процесса.

Науки, занимающиеся социальной жизнью, уникальны еще и тем, что мы, изучающие их, — сознательная часть этого процесса. Мы можем знать его посредством симпатического участия, что невозможно в случае изучения растительной или животной жизни. Многие находят этот факт смущающим и склонны избегать его, пытаясь использовать только «объективные» методы, или же спрашивают, не исключает ли это социологию и интроспективную психологию из числа подлинных наук.

Должен сказать, что это помещает указанные науки в самостоятельный класс; и станете ли вы называть их науками или как-то иначе, не имеет большого значения. Их уникальная привилегия — подходить к жизни с точки зрения сознательной и привычной причастности к ней. Это подразумевает уникальные методы, которые должны разрабатываться самостоятельно. Чем быстрее мы перестанем очерчивать и поверять себя канонами физической и физиологической науки, тем лучше. Что бы мы ни делали, стоящее будет делаться путем отбрасывания чуждых формул и возвращения к нашей естественной склонности к наблюдению и рефлексии. Решительно двигаясь вперед с ними, мы будем разрабатывать методы по ходу дела. На самом деле социология уже развила как минимум один оригинальный метод, в высшей степени многообещающий, и это метод систематических социальных обследований.

Причина, по которой исследователи принципов социологии (в отличие от тех, чья цель является непосредственно практической) несколько меньше озабочены откапыванием первичных фактов, чем их интерпретацией, состоит попросту в том, что на данный момент последнее — более трудная задача. Мы имеем в легкой досягаемости факты, которые, если их полностью переварить и соотнести, вероятно, широко осветят весь наш предмет. Это во многом так же, как и в политической экономии, принципы которой разрабатывались главным образом путем все более пристального изучения и истолкования фактов, знакомых в качестве деталей каждому бизнесмену.

Знание требует как наблюдения, так и истолкования; ни одно из них не научнее другого. И каждая отрасль науки должна разрабатываться своим особым путем, который обнаруживается главным образом в действительном поиске истины, а не посредством какой-то *a priori* методологии. Социология располагает такой же богатой областью проверяемых фактов, как и любой предмет, и совсем не очевидно, что ее интерпретации более расплывчатые, чем где-либо еще. Главная причина того, почему она развилась поздно и до сих пор кажется многим непривлекательной, — само обилие и кажущаяся запутанность материала, которые, по видимости, уносят всякую надежду на простые, несомненные и долговременные результаты. Одна из задач нашего исследования принципов — восстановить эту надежду и привести в порядок это изобилие. И хотя здесь есть, несомненно, особые трудности, как и во всех науках, наша наука вот-вот предложит, на мой взгляд, не меньшую интеллектуальную привлекательность, чем можно найти в других областях изучения, наряду со специфичным для нее человеческим и социальным характером. Было бы странно, если бы растущая доля умов не посвящала себя ей.

Хотя я придаю исключительную важность точности при подготовке данных для социальной науки, я не считаю истинной ее целью втягивание общества в сферу арифметики. По моему разумению, точное предсказание и механический контроль над социальным миром — это ложный идеал, неосмотрительно позаимствованный из областей физической науки. Нет

никаких реальных оснований считать, что этот род предсказания и контроля станет когда-либо возможным.

Много раз отмечалось, что человеческие явления, когда их в широком масштабе исследуют статистически, часто из года в год проявляют заметное количественное единообразие; и некоторые даже делали из этого вывод, что человеческая самопроизвольность — иллюзия, а реально мы контролируем математическими законами, такими же точными, как и те, которые руководят движением планет. Я же считаю, что такие единообразия, которые можно наблюдать в рождениях, смертях, суицидах и многих других человеческих явлениях, не указывают на основополагающие принципы, аналогичные законам гравитации или химической реакции. Они всего лишь показывают, что при данных социальных условиях число людей, которые в течение года решают совершить определенного рода действия, может оставаться почти одинаковым либо может повышаться или понижаться определенного рода изменениями, такими как пришествие войны или экономические невзгоды. Они доказывают, что человеческое поведение подчинено количественному закону, не больше, чем то, что я питаюсь три раза в день или буду тратить больше денег, если мое жалование возрастет, либо меньше, если оно будет урезано.

Иными словами, статистические единообразия не показывают того, что можно количественно предсказать работу интеллекта *в новых ситуациях*, а это, конечно, решающий критерий. Там, где возможно точное предсказание, оно держится, на мой взгляд, всецело на том, что общая социальная ситуация остается той же самой или меняется способами, не заключающимися в себе новых проблем выбора в изучаемой области. Короче говоря, чем больше вопрос является вопросом интеллекта, тем меньше количественный метод может с ним справиться.

Единообразие в уровне самоубийств, насколько оно существует, показывает, что причины самоубийства, какими бы они ни были, действуют из года в год в приблизительно одинаковой степени, что социальная ситуация статична или, скорее, находится в подвижном равновесии. Оно не выявляет никакого закона самоубийства сверх того факта, что оно связано каким-то определенным образом с социальной ситуацией вообще. Оно не помогает нам понять, почему покончил с собой Сол Джонс, или предсказать, сделает это или не сделает Джонатан Смит. Все мы знаем, что если общий поток человеческих трудностей будет оставаться примерно одним и тем же, то число случаев вряд ли будет сильно варьировать.

Серьезные попытки понять самоубийство и предсказать его масштабы при разных условиях базируются, если они разумны, на психологических теориях, работающих с воображением. Так, Дюркгейм в своей книге на эту тему развивает идею «альтруистического» самоубийства и позволяет нам понять, как опозоренный офицер, например, мог бы подвигнуться к нему под действием социального давления. Для таких исследований статистика служит лишь подспорьем.

В случае брака вы можете быть способны предсказать с некоторой точностью эффект сравнительно простых экономических изменений, таких как больший или меньший урожай, но это возможно потому, что брак — это привычная проблема, решаемая во многом одинаково одним поколением за другим на основе прочных инстинктов или конвенций. Вы не сможете таким же образом предугадать исход очередной президентской кампании или любой другой транзакции, в которой человеческий ум сталкивается с новой ситуацией.

Единственным инструментом, который может в той или иной степени удовлетворить критерию предсказания, когда перед разумом встают новые проблемы более высокого выбора, является информированное воображение, которое может благодаря вдохновенной понятливости предвосхитить в себе драму социального процесса и предугадать ее исход. То, что этот высший акт ума, никогда, даже в простейших вопросах, не бывающий успешным более чем частично, сможет когда-нибудь в широких масштабах стать надежным, точным и убедительным до события, ничем не подкреплено, и вероятности такой нет. Насколько мы можем сегодня видеть или заключить, социальное предсказание в высших областях так навсегда и останется предварительным, и я подозреваю, что на всех науках, имеющих дело с жизненным процессом, лежит такое ограничение. Предположение Дарвина относительно «свободной воли» динозавра, похоже, показывает, что таково было его мнение (см. прим. 18).

Разумное социальное предсказание противоречит детерминизму, ибо вместо игнорирования творческой воли оно принимает ее и пытается посредством симпатии войти в нее и предугадать ее работу. Если я предвижу художественное или гуманитарное движение, то это отчасти потому, что чувствую его так, как если бы я сам, располагая теми свободой и творческой силой, которые во мне заключены, решил поучаствовать в таком движении.

Возможность социальной науки держится на гипотезе, что социальная жизнь в каком-то смысле рациональна и последовательна. Предполагалось, что это может быть истинно лишь при условии, что ее можно механически просчитать. Однако вполне может существовать другой вид рациональности и последовательности, не механический, а согласующийся со своего рода свободой, который делает возможным организованное развитие социального знания, соответствующего органическому характеру социального процесса. Жизнь людей обладает собственными единством и порядком, которые могут как оказаться, так и не оказаться, по существу, такими же, как и те, которые правят звездами. В нее, по-видимому, входит творческий элемент, который необходимо постигать посредством участвующей деятельности разума, а не с помощью расчетов. Насколько все это может быть познано и предсказано, еще предстоит выяснить. Правильным методом будет тот, который окажется наиболее результативным. И это явно не количественный метод; он будет разве что вспомогательным.

У социолога должны быть терпеливая любовь к истине и потребность в сведении ее к принципам, которых требуют все люди науки. Помимо этого, однако, ему нужны полнейшая симпатия и участие в течениях жизни. Он может стоять в стороне не больше, чем романист или поэт, и вся его работа, в некотором смысле, автобиографична. Я имею в виду, что вся она базируется на восприятиях, полученных за счет действительной жизни. Он должен знать свои группы так, как мистер Брайс узнал Америку, с реальной интимностью, обусловленной длительным и основательным знакомством с индивидами, семьями, городами и разнообразными мнениями и традициями. Он не может быть специалистом в том же смысле, в каком может быть таковым химик или ботаник; ведь он не может сузить свою жизнь, не сузив при этом постижение своего предмета. Пытаться строить социологию как техническую традицию, далекую от великих течений литературы и философии, было бы, на мой взгляд, фатальной ошибкой. Она не может избежать сложности, но должна быть как можно менее замысловатой. Если она не человечна, то она ничто.

Я часто думал, что Гете по своим дарованиям был почти идеальный социолог, и тот, кто добавил бы к более обычным чертам его прозорливость, его беспристрастность и его чувство органического единства и движения, мог бы совершить почти все.

Метод социального улучшения, скорее всего, так и будет оставаться экспериментальным, но социология — одно из средств, благодаря которым это экспериментирование становится более разумным. Я думаю, например, что любой, кто изучает теорию социальных классов — их различные виды, условия их образования и воспроизведения, их воздействие на формирование умов тех, кто к ним принадлежит, и т.п., — пользуясь тем, что уже написано на эту тему, для стимулирования своих наблюдений и размышлений, найдет, что нынешняя ситуация проясняется для него и что его понимание хода и направленности событий от этого улучшается.

Благодаря наблюдению и мышлению мы разрабатываем обобщения, которые помогают нам понять, где мы находимся и что вокруг происходит. Это «принципы социологии». Они схожи по своей природе с принципами экономики и помогают нашему социальному прозрению точно так же, как те помогают нам проникнуть в суть бизнеса или финансов. Они не приносят нам готовых решений, но дают свет и перспективу. Хороший социолог может быть малосведущ в филантропии или социальном законодательстве, подобно тому как хороший экономист может быть недалководен в инвестировании своих денег. И все же, при прочих равных условиях, ум, подготовленный в теории своего предмета, будет превосходить в практической мудрости ум, который так не подготовлен.

В основе своей любая наука есть всего лишь более пронизательное восприятие фактов, достигаемое за счет отбора тех из них, которые являются более универсальными и заслуживают интенсивного изучения; так биологи, например, в наше время изучают великий факт наследственной

передачи признаков. В той мере, в какой мы знаем эти более общие факты, мы лучше подготовлены к тому, чтобы с пониманием разбираться в действительных хитросплетениях жизни. Наши изыскания должны позволять нам различить за кажущейся путаницей вещей работу устойчивых принципов человеческой природы и социального процесса, упрощая для нас движение при помощи раскрытия его основных течений, примерно так же, как генерал может лучше следить за ходом битвы при помощи карты, на которой помечены основные операции и оставлены вне поля зрения отвлекающие детали. Это совсем не гарантирует нам контроль над жизнью, но должно позволить нам придумать меры, имеющие хороший шанс на успех. А в той мере, в какой они не приносят успеха, мы должны быть в состоянии понять, что идет не так, и в следующий раз действовать лучше.

Следовательно, я думаю, что высшей целью социальной науки является восприятие драмы жизни, более адекватное по сравнению с тем, которого можно достичь путем обычного наблюдения. Если же мне возразят, что это задача художника — какого-нибудь Шекспира, Гете или Бальзака, — а вовсе не задача ученого, то я могу ответить, что столь обширное предприятие требует сотрудничества разных видов синтетических умов: художников, ученых, философов и людей действия. Или можно сказать, что конструктивная роль науки — это поистине форма искусства.

В самом деле, одной из лучших вещей, которых следует ожидать от наших изысканий, является способность смотреть на движение человеческой жизни в широком, составном духе и видеть его в обрамлении идеального единства и красоты.

Примечания

1. Herndon W.H., Weik J.W. *Abraham Lincoln: The True Story of a Great Life*. — Chicago; N.Y.; San Francisco: Belford, Clarke & Co., 1889. — Vol. 2. — P. 54-55.
2. Строки из стихотворения Р.У. Эмерсона «Синица». — *Прим. пер.*
3. Bernhardt F. von. *How Germany Makes War*. — L.: Hodder & Stoughton, [1914]. — P. 111.
4. Пс. 36, 7 (приводится по Синодальному переводу).
5. Пс. 36, 35–36.
6. Пс. 36, 25.
7. Пер. С.Я. Маршака. — *Прим. ред.*
8. Еккл. 7, 16.
9. 1 Пет., 3, 12.
10. Платон, «Государство», кн. X, 613с. Цит. по: *Платон. Сочинения в четырех томах*. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. — С. 484.
11. Из эссе «О славе». Цит. по: *Монтень М. Опыты*. В трех книгах. Книги первая и вторая / Изд. подготовили А.С. Бобович, Ф.А. Коган-Бернштейн, Н.Я. Рыкова, А.А. Смирнов. — 2-е изд. — М.: Изд-во «Наука», 1979. — С. 554-555. Перевод латинского выражения: «Смеялся над тем, что хитрый расчет оказывается безуспешным».
12. Tout T.F. *The Empire and the Papacy, 918–1273*. — N.Y.: The Macmillan Co., 1898. — P. 412.
13. Browne T. *Religio Medici*. — Printed for Andrew Crooke, 1643. — Par. 18.
14. Куно Пранке в: *Atlantic Monthly*. — November 1914.
15. Строка из стихотворения «The World's Advance» английского писателя Джорджа Мередита (1828–1909). — *Прим. пер.*

16. См. его работу «Наследственный гений» (рус. пер.: Гальтон Ф. Наследственность таланта, ее законы и последствия / Пер. с англ. – СПб.: [б.и.], 1875). В ряду других критических разборов его взглядов мною была опубликована брошюра «Гениальность, слава и сравнение рас» (Cooley С.Н. Genius, Fame and the Comparison of Races // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 1897. – Vol. 9. – May. – P. 1-42 [317-358]). Хороший обзор литературы на эту тему можно найти в «Прикладной социологии» Лестера Ф. Уорда.

17. Здесь приведены слова из раннего христианского гимна «Тебя, Бога, хвалим» (Te Deum), созданного в конце IV в.н.э. и приписываемого св. Амвросию Медиоланскому, одному из четырех великих латинских Учителей Церкви. – *Прим. пер.*

18. More Letters of Charles Darwin: A Record of His Work in a Series of Hitherto Unpublished Letters / Ed. by F. Darwin and A.C. Seward. – Vol. I. – L.: John Murray, 1903. – P. 155.

Пер. с англ. Н. Нама и В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 18.07.2022 (№ 2503)

Нам Никита – студент 4 курса департамента социологии факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: nnam@edu.hse.ru;

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии департамента социологии НИУ «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: vnik1968@yandex.ru. Наш постоянный автор и переводчик.
